

RUNNING FOR NOTHING

Maxi Tee

ГЛАВА 43. Часть первая. В тюрьме.

«... Лена, постарайся занять денег под нашу квартиру, я выйду, и мы продадим её, раздадим долги и начнем всё сначала. Я люблю тебя, милая, и даю тебе право самой принимать решения и нести за них ответственность», – заканчиваю я читать вслух письмо, которое приготовил передать Лене в последнее наше свидание, перед её отъездом в Россию.

– Черчилль! – кричит Марио, показывая старому насильнику пальцем на окно, отделяющее нас с залом, где на стуле дремлет охранник.

– «Всё спокойно», – передаёт знаками Черчилль, не сводя глаз с охранника.

За секунду Марио запрыгивает на плечи Сурешу, образовав пирамиду, и быстро прячет сотовый телефон за лампу, прикрученную на стене под потолком.

– Я понимаю, Вась, ты сейчас по телефону с Леной своей поругался, поэтому твоё письмо, написанное в обиженном настроении, не совсем корректно, – говорит Виктор, рисуя ручкой солнышко на своём покрывале.

– Почему это «не корректно»? – раздражённо спрашиваю я, приготовившись ожесточенно отстаивать свою точку зрения.

– Я так, Вась, понял из твоего письма, что ты против, чтобы Лена без тебя в расшке вашу квартиру продавала?

– Да, против, – говорю я, ещё больше раздражаясь от того, что Виктор пытается сделать оценку моих личных дел. – Ей мама моя шесть тысяч долларов дала, чтобы меня из тюрьмы вытащить, а она их просто за семь месяцев потратила впустую, ни копейки не заработала и ничего делать не хочет. Мне десятка грозит, а она по телефону только что мне заявила, что не будет для меня больше ни у кого денег занимать. Сам без нее достану деньги, всё-таки друзей у меня много. Проблема с нашей квартирой в том, что она на меня оформлена, и Лена просит доверенность на продажу. Мне не жалко, сам готов продать нашу трёхкомнатную квартиру, оплатить адвоката, а им купить однокомнатную, и оформить всё

на Васи́линку. Просто боюсь я Лене своей доверять финансовые дела, потому что моя жена снова потратит все деньги впустую, а я получу десять лет тюрьмы. Деньги у неё не могут просто быть, она их всё время на всякую ненужную ерунду тратит.

– Вот и я, Вася, всю свою жизнь считал, что думаю о любви, а в реальности – о деньгах заботился. Отпустить тебе надо свою жену, у тебя все проблемы от чувства собственности. Ты же переживаешь сейчас не за неё. А за то, как там без твоего ведома она деньгами будет распоряжаться.

– Да нет у меня, Вить, никакого чувства собственности, есть только здравый смысл, – говорю я, закипая от злости и непонимания.

– Вася, я смотрю на тебя, как на зеркальное отражение, – идиотски смеясь, говорит Виктор, стараясь спародировать меня. – У нас же почти вся жизнь одинаковая. В одно время челночили в Турции, у обоих по две жены было, и революционеры мы психоделические, почти одинаковые. Я, чтобы выдать кокаин с рынка, спиды¹ продавал, а ты – МДМА. И обоих нас наш жизненный путь в тюрьму привёл, – уже истерически начинает хохотать Виктор. – Я, Вася, так же как и ты, раньше любил с добавкой слова «если». А любить нужно без этой приставки. Ты обвиняешь свою Лену, что она продала все твои ноутбуки, холодильники, кондиционеры и ничего не хочет здесь, в Гоа, делать. А хотела ли она такой жизни, которую ты ей дал? Это же тебе нравится квас развозить и наркотики продавать. А она, может быть, другая, и никогда ты не переделаешь человека под себя. Она не твоя собственность, даже если у тебя есть печать в паспорте.

– Виктор, да у нас были демократические отношения. Мы даже один раз групповым сексом занимались.

– Да вы хоть каким могли сексом заниматься, это ваше личное дело. У тебя просто огромное чувство собственности. Неужели ты, Вася, не понимаешь, что, если ты не дашь ей того, что она хочет, то это не любовь. Тебя же самого потом совесть замучит. Вот у меня вторая жена была. У нас тоже были демократические отношения. Я ей позволял к негру иногда ходить потрахаться, а она была не против, что я тёлок домой приводил. Она, после того, как меня сюда посадили, поехала ко мне месяцок, а потом взяла последние три тысячи долларов, и уехала в Тайланд, оставив меня

¹Спиды – Амфетамины.

здесь одного, без денег. Я тоже злился и бесился первые четыре месяца, но потом осознал, что я же для неё эти деньги зарабатывал, но только потратить их хотел так, как считал нужным. А она потратила так, как ей хотелось. И получается, что зря я эти четыре месяца злился. Мог бы удовольствие получать всё это время. А имел головную боль. И всё это из-за проклятого чувства ответственности. Ты, Вась, дал бы полное право Лене распоряжаться и своей жизнью, и вашим имуществом. И тебе бы спокойнее сиделось, и её бы никто не дергал. Она же мать твоей дочери, пусть сама и распоряжается своей жизнью. Ты переживаешь, что у неё деньги зарабатывать не получается без тебя, потому что, как я понял из твоих слов, она всё делает плохо. А ты давал ей что-нибудь сделать самой, без твоей указки?

– Честно говоря, Вить, я всегда заранее считал, что у неё ничего не получится, чего бы она ни начинала делать.

– Так кто же будет что-нибудь хорошее делать, если его постоянно контролируют и критикуют? А насколько я тебя уже знаю, Вась, ты считаешь, что всё, что сделано не тобой – сделано не так. Я сам, Вась, такой же.

– Да, в этом ты прав, Вить. Сделать что-либо хорошо задуманное мною кому-нибудь другому практически невозможно. Напишу я лучше новое письмо своей Лене. Попрошу прощения за то, что в тюрьму попал, за то, что не смог дать ей то, что она желала. И, пусть делает, что хочет. Тем более, что повлиять на это я сейчас совсем не могу.

– Потом напишешь, пойдем, лучше покурим. Смотри, наши уже в кучку собрались, – говорит Виктор, показывая на бонг, который приготовил Дэвид.

Переползая следом за Виктором на соседнюю лежанку Джеймса, я наблюдаю, как с завистью смотрят на нас некоторые сокамерники, не имеющие доступ в закрытый клуб курильщиков нашей камеры.

– Что это было? – выдыхаю я странный дым с пластмассовым привкусом.

– Добро пожаловать в мир фрибэйса, – дьявольски улыбаясь, говорит Виктор, забирая у меня бонг. – Я специально не сказал тебе, Вась, что это крэк², чтобы ты почувствовал сам, без чьего-либо влияния, что это такое.

²Крэк (фрибэйс) – Кристаллический кокаин.

– Долго я, Вить, отказывался пробовать этот серьёзный наркотик. Но, видимо, сегодня пришло время попробовать и это. И чего же мне теперь ждать? – немного волнуясь, и откинувшись поудобнее на полу, спрашиваю я у Виктора.

– А ничего. Он ни на что не похож. Вот что ты сейчас чувствуешь?

– Я, Вить, перед этим гашла с тобой покурил, и мне без этого хорошо. Я не чувствую никаких изменений.

Виктор, приготовившись насладиться приходом от крэка, так же поудобнее откидывается на полу, положив вместо подушки пластиковую бутылку.

– Всё-таки, какой же невероятный сюрреализм вокруг нас! Ты только посмотри, Вась, где мы находимся, – показывает Виктор руками вокруг нас. – Мы на самом дне, в тюрьме. Курим самый дорогой наркотик.

– А я вот смотрю, Вить, на Санни и думаю – сикх, а застав свою девушку с любовником, убил обоих на месте. Вряд ли он когда-нибудь поймет наши разговоры о безусловной любви и о демократических отношениях в сексе. Вряд ли ты его когда-нибудь убедишь, что чувство собственности и любовь – несовместимые чувства. По-моему, Вить, мы с тобой спятившие, которых общество от себя изолировало.

– Мы, Вась, не спятившие, мы – избранные. Помнишь, в Мапсе, сумасшедший Елисей заезжал к нам на месяцок? Он мне книжку тогда дал интересную почитать. Так в ней так и написано, что если вы осознали, что такое божественная любовь, то значит, вы – избранный. И пусть меня считают сумасшедшим, но я не буду таким, как большинство людей, предпочитающих любви чувство собственности.

– В натуре ты, Вить, или просветлённый, или псих спятивший. Хотя, это, наверное, одно и то же, потому что грани, разделяющей просветлённость и сумасшествие, нет.

– Пусть меня считают сумасшедшим, – закрыв глаза, говорит Виктор, но, зато я понял, как нужно жить на этом свете. Нужно излучать любовь, и внимательно слушать, что говорит твоё сердце. Когда мы слушаем его, то делаем всё правильно. И, когда мы делаем всё правильно, сердце не болит, и не мучает совесть. А если тебя ничего не грызёт изнутри, то тогда и прёт от жизни нехило. И не нужно тогда ничего употреблять, убегая от не устраивающей тебя реальности. И не нужно ничем заглушать сигналы своего besпокоящегося сердца. Пойдем, ещё по затяжке дунем, – предлагает

Виктор, снова начиная переползать поближе к Дэвиду. – Хорошее состояние под этим наркотиком, только держит всего десять минут, – выдохнув странного запаха дым прямо мне в лицо, сказал Виктор, и закрыв от удовольствия глаза.

– Что-то, Вить, опять я ничего не ощущаю, – говорю я, стараясь почувствовать изменения в своём сознании. Видимо, я и так хорошо гашлом накурен, что этот крэк понять не могу.

– Если ты, Вась, будешь всё время ожидать чего-нибудь из ряда вон выходящее, то ничего вообще не почувствуешь. Давай поболтаем о чём-нибудь отвлечённом. Скажи лучше, Вась, а зачем ты себе на руке татуировку на санскрите сделал?

– Я же тебе говорил, Вить, это слова Будды: «Анича ватта санкхара». Обозначает это, что все санкхары не вечны. А санкхара – это такая царапина на нашем сознании, которая остаётся от того, что мы чего-то сильно хотим, или наоборот, не желаем. Это что-то типа надписи на кольце у царя Соломона. Когда у него в жизни появлялись неразрешимые проблемы, он поворачивал кольцо, и читал себе вслух надпись: «И это тоже пройдёт». Моя татуировка – это своего рода вечный маяк, который мне всегда напоминает, что всё иллюзорно в этом мире. Я её себе наколол, когда с випасаны вернулся. Впервые я тогда, Вить, так хорошо себя почувствовал, что не хотелось мне ничем своё сознание больше менять. Представляешь себе, Вить, десять дней молчания как будто очистили меня. Впервые за последние пятнадцать лет своей жизни я десять дней ничего не употреблял, ничего не курил, правильно питался и ни с кем не разговаривал.

– И сколько же, Вась, стоило тебе такое удовольствие?

– Да ничего, Вить, не стоит это. Во всех странах есть центры випасаны, и везде она бесплатна. Уже две с половиной тысячи лет на пожертвования существует эта организация. Если понравилось тебе, то можешь пожертвовать столько, сколько тебе не жалко. Впервые в жизни, Вить, я почувствовал, что отдыхаю для самого себя. Когда ты никому мозг не трахаешь и тебе никто его не трахает – это такой кайф, там как в раю! Красивейший сад, весь в цветах, здания там необычной красоты, как в буддистских монастырях, с позолоченными пагодами, прекрасное вегетарианское питание со шведским столом, и у каждого медитирующего – отдельная комната с душем и туалетом.

– И всё это бесплатно? – удивлённо спрашивает Виктор, наблюдая за очередностью курящих крэк вокруг Дэвида.

– Да, Вить, так бывает, оказывается. Просто там так сильно торкает за десять дней, что все деньги хочется потом отдать, чтобы они продолжали делать такое доброе дело, помогая людям понимать причины их душевных страданий и избавляться от них.

– Ну и как, Вась, помогла тебе твоя випасана?

– Знаешь, Вить, домой, в Гоа, мчался как на крыльях. Думал, что надо любыми способами убедить Лену пройти такую же медитацию, но, к сожалению, вышел обратный эффект. Мы перед випасаной провели с Леной эксперимент с групповым сексом, и как раз на следующий день я уехал медитировать. А Лена моя десять дней совестью мучилась. Две недели после моего возвращения с випасаны она жизни мне не давала. Ругались каждый день. Она тогда чуть в рашку насовсем не уехала. Я ей тогда про безусловную любовь всё пытался объяснить. А она ни в какую не желала понимать меня. Две недели я не пил, не курил и понимание между нами никак не складывалось. И, однажды я не выдержал, набухался. Наелся мяса, и накурился чараса. Вот тогда у нас сразу в семье гармония снова наступила. И ругаться мы перестали, и секс возобновился. Понял я тогда, что в семьях пары должны одинаково духовно развиваться. Отлетел я тогда от реальности на высокие контуры восприятия, а Лена меня приземлила. С тех пор пошёл я вместе со своей любимой осваивать нижние контуры восприятия. На них у нас с Леной всё замечательно было. Думал, что освоив нижние контуры, мы дальше вместе пойдём по духовному пути развития. Только привели меня эти нижние контуры на самое дно. Ниже него только тюремный госпиталь Азилло и за ним – кладбище.

– Вася, не познав самого дна, не узнаешь и небес – говорит Виктор, протягивая бонг с очередной порцией фрибэйса.

Выдохнув кокаиновый дым, я наконец-то почувствовал приход. Вместе с ощущением заморозки на дёснах мой мозг вдруг резко почувствовал кристальную чистоту восприятия и сильнейший выброс адреналина. Я вдруг почувствовал себя просто суперменом.

– Вот сейчас, мне кажется, я понял, за что люди любят кокаин. Сделав одну затяжку, я почувствовал себя центром вселенной. Это ощущение высшей степени приятности, только так я могу описать это состояние.

– Вот за это, Вась, состояние, понимающие люди готовы отдать всё. Я почему у тебя, Вась, про татуировку спросил, – гово-

рит Виктор, протягивая мне альбом с рисунками нашего художника Бориша. Я тоже себе хочу сделать наколку во всю спину. Ты прав, Вась, татуировка это как маячок, который ты посылаешь в окружающий мир, в поисках единомышленников. Я хочу вытатуировать себе своего Бога. Хочу, чтобы было солнце во всю спину у меня. Мне Бориш даже уже рисунок нарисовал. В альбоме уже есть несколько различных солнц, нужно только выбрать. Мы выйти должны с ним в одно время, в марте. Я хочу салон татуировочный открыть для него. Он же татуировщик профессиональный. Куплю в Тайланде всё оборудование, арендую дом для него, пусть работает. Он ведь художник прирождённый.

– Ой, Бориш, Бориш, бедолага, здорово его Ашпак с адвокатом подставил. Первый раз такое вижу, чтобы за шесть месяцев просроченной визы семь месяцев тюрьмы давали. Даже Елисей со своим побегом из психушки вышел всего через месяц. Говорят, что Ашпака сюда, к нам в тюрьму Васко, переводят. Многих он людей подставил за три года тюрьмы, не только Бориша. Говорят, что он здесь, в тюрьме, кому-то серной кислоты в лицо плескнул, у того потом вся кожа с лица слезла. В каждой камере только про Ашпака с утра до ночи и говорят.

– Да ну в баню этого Ашпака. Что нам во время прихода поговорить, что ли, не о чем? Ты лучше скажи, кто тебе татуировку твою буддистскую в Гоа делал? Макс с Акулой, наверное.

– Нет, к сожалению, не они. Сделала жена моего бывшего друга. Был у меня старый друг, Андрюха, пятнадцать лет я его знал, психоделику мы вместе с ним изучать когда-то начинали. Вместе по стране на мотоциклах путешествовали. Сколько баб вдвоём с ним перетрачали, уже и не вспомнишь. Я, даже когда групповой секс решил со своей женой попробовать, его позвал. Никому другому не доверил бы свою любимую. Он своей жене, Оксанке, в то время машинку татуировочную купил. В тот сезон звал он много раз меня: «Приходи в любое время, бесплатно сделаем тебе татуировку, на тебе моя Оксана попрактикуется». Многие татуировщики в тот сезон предлагали мне бесплатно татуироваться. Что может быть лучшей рекламой для начинающего татуировщика, чем татуированный ресторатор известного гоанского заведения? Приехал я тогда с випасаны с одной мыслью – как бы сделать так, чтобы запомнить полученные знания на всю жизнь? Вспомнил я тогда про их предложение, и сразу к ним. Всю ночь меня татуировала его Оксана, хотя опытный мастер за пару часов всё сделал бы. Да

и сделала она так себе, на тройку с плюсом. Больше всего я опасался, чтобы не получился такой санскрит, как русские надписи на китайских товарах. Заморочился я на каллиграфии. Неделю искал на компьютерах нужный санскритский шрифт. Как всегда, всё получилось так, как я боялся. Читается моя татуировка как «Анича вала санкхара», а нужно было сделать «Анича ватта санкхара». Ерунда, конечно. Потому что всё равно, древний санскрит никто не понимает, но расстроился я тогда немного. Мало того, звонит мне на следующий день Андрюха и говорит: «Пришли сотку баксов за работу». Поругался я тогда с ним, но деньги отдал, и с тех пор с ним больше не общался. Только друга я не из-за этого потерял тогда. Приревновал он, кажется, меня к своей Оксане. Такой вот, Вить, у меня опыт был с татуировкой, випасаной и групповым сексом, – говорю я, располагаясь ко сну на своей лежанке. Понял я, Вить, в чём засада фрибэйса, от него практически невозможно отказаться, если он ещё есть. Десять минут высшей степени удовольствия – и снова быстрый, жёсткий возврат в реальность.

– Это точно, Вась, я полчаса уже лежу и думаю только об одном – будем ли мы курить ещё, говорит Виктор, показывая Дэвиду руками вопросительные знаки.

– Я тоже, Вить, об этом думаю, только я спать лучше лягу.

– Running for nothing³, – говорю я, надевая на глаза повязку для сна с надписью «Аэрофлот». Good night, my friend Victor, see you tomorrow⁴.

ГЛАВА 43. Часть вторая. На воле.

– Что, Вась одни мы с тобой остались? – говорит Серёга, вдыхая густое облако чарасного дыма. Опять ночью обезьяны на балкон приходили, смотри, кучу насрали, подлецы. Может, Вась, в шахматы сыграем?

– Да, с удовольствием, – отвечаю я, пиная с Серёгиного балкона подсохшую обезьянью какашку.

Пару месяцев нам предстоит провести вдвоём на этом балкончике. В комнате душно, Палолем опустел, пойти больше некуда.

³Running for nothing – Бег в никуда.

⁴Good night, my friend Victor, see you tomorrow – Спокойной ночи, мой друг Виктор, увидимся завтра.

– Но, у нас есть гашло, ром и шахматы, не пропадём, – говорит Серёга, передавая мне бонг и поджигая спичку. – Как удивительно всё-таки у нас похоже всё здесь. наших жен Ленами зовут, не сговариваясь, они в рашку в один день полетели, обратно в Гоа возвращаются обе ровно через два месяца.

– А у нас, Серёг, у обоих паспорта закончились, – говорю я, вспомнив одну знакомую фричку, отсидевшую за паспорт три месяца в индийской тюрьме. В сезон дождей придётся нам шифроваться немного. Никак нельзя нам полиции попадаться. Ресторан нам нужно будет строить, а не в тюрьме сидеть.

– Я думаю, раз в неделю за продуктами выходить, – это не рискованно, – говорит Серёга, расставляя шахматы. – Сезон наступит, иностранцев снова станет много, тогда поспокойнее нам будет, а сейчас на весь район – мы два белых человека. Менты могут паспорт проверить. А я люблю мунсун. Люблю накуренным смотреть, как дождь весь день льёт. Вась, я вот только хотел у тебя денег немного одолжить, ты мне баксов пятьсот не дашь взаймы? Я тебе пятьсот уже должен и ещё если пятьсот займешь, то штуку я за тебя при строительстве ресторана внесу. А то мне жена моя совсем денег не оставила.

– У меня самого, Серёга, денег ровно пять штук на строительство ресторана, и штука на личную жизнь. Конечно же, Серёг, я тебе дам, но чем же ты будешь за жильё все эти месяцы платить? У тебя же квартира только пятьсот баксов в месяц стоит?

– Не волнуйся за меня, Вася, я – профессиональный риэлтор, я за эту квартиру уже полгода хозяевам денег должен, но это мои проблемы.

– Да, Серёга, если ты сумел индуса развести на то, чтобы полгода не платить за жильё, то ты, видимо, уникальный прирождённый риэлтор. Обычно индусы берут плату за полгода вперед.

– Я, Вася, не только риэлтор, я – профессиональный разводила, – говорит Серёга, отрезая ножом кусок спелого манго. – Я ещё и за мотоцикл, и за джип должен около пяти тысяч долларов. Вот ресторан откроем, раздадим долги. Разводить индусов доставляет мне удовольствие.

– А на строительство нашего ресторана у тебя есть деньги? – уже серьёзно спрашиваю я, начиная сомневаться в Серёгиной порядочности.

– И на рестик у меня тоже нет денег. Но ты, Вась, не волнуйся за меня, деньги я к сроку найду. У меня своего ничего нет. А вот

у папика моей жены сорок штук баксов есть. Он у неё полковник ФСБ в Питере.

– А как же, Серёг, твой ресторан в Палолеме? Ты же говорил, что ты в него десятку зелени вложил? – передвигая по шахматной доске пешку, спрашиваю я.

– Это, Вась, тоже не мои, а моей жены. Вложили мы с ней деньги, доверившись басням индуса, и что-то не принёс нам в этом году дохода нисколько наш ресторан. Я вот надеюсь, что индус, мой бывший партнёр через пару месяцев пару штук баксов отдаст мне. Продал я ему свою долю, пусть сам за еду работает, мне прибыль нужна. Только что-то он мне уже три месяца мозги парит. Никак деньги не накопит. Говорит, что нет денег пока сейчас. Но ты, Вась, не переживай. Найдём по любому мы деньги к сроку. Жена ведь моя беременная. В октябре рожать здесь будет. Неужели её папик бабла к рождению внука не пришлёт? – смеется Серёга, открывая бутылку рома. – Ты про меня, Вась, не парься, ты лучше расскажи, что за проблемы у тебя на севере последнее время были. Твоя Лена говорила, что ты с напарником со своим бывшим подрался.

– Да, было дело. Представляешь, Серёг, в конце сезона пропал куда-то мой партнер на два месяца. Остался должен мне штуку баксов, и слился. И тут недавно появляется, гад, и говорит: «Отдай мне мой холодильник и пару столов со стульями». А я ему говорю: «А как насчёт денег, Сань? Ты же мне тысячу долларов должен». И знаешь, что он отвечает мне? «Извини, Вась, но мы землю купили, дом строить собрались, денег в ближайшее время не будет. И вообще, Вась, я знаю, что у тебя проблемы с паспортом». «Если», – говорит, – «сейчас мне мой холодильник не отдашь, то я полицию позову. Если не хочешь попасть в тюрьму, прощай мне долг и отдавай холодильник». А мы только с семьей ужинать сели. Ну, не выдержал я, схватил микрофонную стойку, она у меня в коридоре вместо мебели стояла. Этой стойкой я его и побил немного. Чуть в порыве гнева его с балкона не сбросил.

– И что? Заявил он на тебя в полицию? – спрашивает Серёга, ставя мне шах.

– Я опередил его.

– Это как же? Ты что, Вася, сам с просроченным паспортом в полицию жаловаться на него пришёл? – говорит Серёга, убирая мою ладью.

– Практически так. Слава Богу, друзья помогли. Есть у меня в Сиолиме дружочек, Вова зовут его. И есть у него друг, индус – быв-

ший кокаиновый драг-дилер, а может, и не бывший, кто его знает. Работает он сейчас в правительстве Гоа, папа у него какой-то министр. Так вот, связи у него очень крутые среди полицейских, решает любые вопросы. По просьбе Вовы приехал он с полицейскими к моему напарнику, и объяснили они ему, что неправильно так поступать. Нельзя приходить к людям в дом и шантажировать. Взяли с него подписку, чтобы он больше близко к моему дому не подходил. А с меня – триста баксов за услугу. Такие вот дела, Серёга. Второй раз уже меня здесь, в Гоа, партнёры кидают. Надеюсь, с тобой у меня ничего не произойдет?

– Мат тебе снова, Вася, – смеётся Серёга, сгребая фигуры в кучу.
– Не волнуйся, со мной такого не будет. Я тебя кидать не собираюсь. Всё у нас будет замечательно. Сыграем, Вася ещё одну партию?

– Нет, Серёг, я лучше тай-чи пойду позанимаюсь, заодно и помедитирую. Всё равно у тебя выиграть нереально. Давай лучше перед гимнастикой ещё по затяжке дунем.